

А.А. Сидоров*

АМЕРИКАНО-КОРЕЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Соглашение о свободной торговле между США и Южной Кореей, подписанное в 2007 г., но так и не прошедшее процедуру ратификации ни в одной из двух стран, является ключевым элементом тихоокеанской стратегии администрации Б. Обамы. В статье рассматриваются причины, побудившие Соединенные Штаты вступить в переговорный процесс с Республикой Корея по проблеме создания зоны свободной торговли, ход и итоги переговоров, содержание договора, а также сохраняющиеся спорные вопросы, которые осложняют его ратификацию.

Ключевые слова: США, Южная Корея, соглашение о свободной торговле, регионализм, интеграция, АТР.

The South Korea — United States Free Trade Agreement, signed in 2007 but still not ratified in either country, represents a key element in the Asia-Pacific strategy of the Obama administration. The article examines the main factors that induced the United States to initiate the negotiations with the Republic of Korea on the establishment of the free trade area; the progress and the outcomes of the talks; the content of the agreement, and the remaining controversies that hinder its ratification process.

Keywords: the United States, South Korea, free trade agreement, regionalism, integration, Asia-Pacific.

Ни один регион современного мира не сулит Соединенным Штатам больше потенциальных выгод и одновременно проблем, чем Восточная Азия. Бурный рост восточноазиатских экономик во второй половине XX — начале XXI в. обусловил постепенное перемещение мирового хозяйственного центра с Атлантического на Тихий океан. Характерными чертами эволюции региона в новом столетии являются не только высокие темпы экономического роста, но и активное создание региональных структур, динамичное развитие интеграционных процессов, расширение политических и культурных связей. Признавая растущее значение АТР в мировых делах, нынешний глава Белого дома Барак Обама объявил себя «первым тихоокеанским президентом Америки», отметив, что при его администрации США будут укреплять «старые союзы» с Японией и Южной Кореей, создавать новые альянсы с такими страна-

* Сидоров Андрей Анатольевич — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: aas@fmp.msu.ru).

ми, как Китай и Индонезия, принимать непосредственное участие в возникающих в Восточной Азии многосторонних структурах. «Я хочу, чтобы каждый американец знал, что мы кровно заинтересованы в этом регионе, поскольку все, что происходит здесь, оказывает прямое влияние на нашу жизнь дома, — заявил Б. Обама. — <...> Судьбы Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона стали еще более тесно связанными, чем когда-либо прежде» [30].

Ускорение после азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. объединительных процессов в Восточной Азии, приведших к образованию в регионе новых многосторонних и двусторонних форматов торгово-экономического сотрудничества, уже к концу первого десятилетия XXI в. побудило американских политиков и исследователей с тревогой говорить о мрачной для США перспективе возникновения «разделительной линии по середине Тихого океана». Сознавая угрозу «отчуждения» Америки, администрация Дж. Буша-мл. активизировала усилия по укреплению действовавших структур с участием США, таких как форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), и созданию двусторонних зон свободной торговли (ЗСТ) со странами АТР. Значительную роль в этих процессах призвано было сыграть подписанное в июне 2007 г. соглашение о свободной торговле (ССТ) между Соединенными Штатами и Республикой Корея (Free Trade Agreement between the United States of America and the Republic of Korea, KORUS — КОРЮСФТА), которое уже сейчас называют «наиболее важным торговым договором со времени НАФТА» [11, р. 43]. С момента заключения соглашения прошло уже три с половиной года, однако оно все еще ожидает ратификации законодательными органами двух стран, и перспективы успешного завершения этого процесса выглядят далеко не безоблачно. Почему? Для ответа на этот вопрос следует в первую очередь обратиться к истокам КОРЮСФТА.

I

О возможности образования ЗСТ между Южной Кореей и США заговорили еще во второй половине 1980-х гг. Побудительным мотивом стало начало в 1985 г. американо-канадских переговоров, завершившихся три года спустя заключением соглашения о свободной торговле, которое, как полагали тогда многие, могло привести к дискриминации товаров из третьих стран на североамериканском рынке. Беспокойство корейских экспортеров еще более усилилось после подписания в 1992 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), в котором наряду с США и Канадой приняла участие и Мексика. В Вашингтоне полагали, что опасения восточноазиатских стран должен был снять созданный

в конце 1989 г. АТЭС, в числе учредителей которого фигурировала и Республика Корея (РК). Во время президентства Дж. Буша-ст. был проведен ряд исследований по анализу перспектив заключения ССТ с ней [см.: 34]. Правда, дальше теоретических наработок дело не пошло. На рубеже 1980-х — 1990-х гг. Вашингтон был заинтересован не столько в договорах с отдельными странами, в том числе с РК, с которой США имели активный торговый баланс, сколько в продвижении многосторонней либерализации в рамках сильно затянувшегося Уругвайского раунда ГАТТ [8, р. 1].

Во второй раз интерес к двустороннему ССТ возник после «великого азиатского кризиса» 1997—1998 гг., который нанес тяжелый удар по экономике Южной Кореи, вынудив ее руководство начать переоценку стратегии развития страны. Глобализация, одним из негативных последствий которой стал кризис в Азии, подталкивала РК к расширению внешнеэкономических связей. Торговые соглашения с другими государствами не только открывали южнокорейским товарам более широкий доступ на зарубежные рынки, но и способствовали притоку иностранного капитала и технологий, развитию управленческих навыков. Кроме того, благодаря усилению конкуренции внутри страны эти соглашения вынуждали национальных производителей активнее проводить модернизацию своих предприятий. Будучи участницей таких крупных международных структур, как ВТО и АТЭС, Южная Корея долгое время полагалась в основном на многостороннюю либерализацию, однако на рубеже веков положение изменилось. Министерская конференция в Сиэтле в декабре 1999 г. выявила очевидное нежелание государств, входящих в ВТО, начинать новый раунд торговых переговоров, а АТЭС оказался не в состоянии поддержать своих членов в период тяжелейших испытаний, выпавших на их долю в 1997—1998 гг. Вакуум, возникший на глобальном и межрегиональном уровнях, быстро заполнили региональные, субрегиональные и двусторонние соглашения.

Для того чтобы адекватно приспособиться к процессу глобализации, Южная Корея тоже пыталась расширить пространство для экономического маневра. В горниле азиатского кризиса родились форматы «АСЕАН + 3», который объединял членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, Японию, Китай и РК, и «АСЕАН + 1», где каждое из этих трех государств контактировало с асеановцами напрямую. Помимо нерегламентированных какими-либо договорами форумов Сеул пошел на заключение ряда двусторонних соглашений о свободной торговле: в апреле 2004 г. вступило в силу первое в истории Южной Кореи ССТ с Чили, в марте 2006 г. — с Сингапуром, в сентябре 2006 г. — с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ). Одновременно РК вела переговоры

с Мексикой, Индией, Канадой и Европейским союзом. В мае 2006 г. было заключено соглашение о свободной торговле товарами с АСЕАН (в отношении услуг переговоры продолжались). В декабре 2006 г. было объявлено, что Южная Корея и Австралия договорились изучить перспективы создания ЗСТ. Ранее (в конце 2003 г.) руководство РК начало также переговоры с Японией, которые, однако, в 2005 г. были прерваны из-за претензий Токио на остров Токто, споров по интерпретации истории двусторонних отношений, посещения японским премьер-министром Д. Коидзуми храма Ясукуни и попыток его кабинета пересмотреть «мирную» Конституцию страны в целях повышения роли сил самообороны [подробнее см.: 2].

Избранный в конце 2002 г. на пост президента Республики Корея лидер левоцентристских сил Но Му Хен, сделав участие страны в интеграционных процессах стратегическим направлением своей внешнеэкономической политики, взял курс на установление режима свободной торговли с Соединенными Штатами. По опубликованным в декабре 2005 г. прогнозам Корейского института внешней экономической политики, соглашение с США сразу позволит увеличить годовой ВВП Южной Кореи на 0,42—0,59%, а в более отдаленной перспективе — на 1,99—2,27% [21, р. 86]. Экономические цели Сеула при создании ЗСТ с США простирались гораздо дальше простого расширения доступа к защищенному относительно низкими тарифами и уже достаточно освоенному южнокорейскими компаниями американскому рынку. Для РК важным было изменение действовавших в Америке торговых процедур, которые она считала дискриминационными, а также допуск туда товаров, произведенных в создававшейся тогда промышленной зоне в КНДР. Одновременно Южная Корея стремилась получить преимущества перед такими конкурентами, как Китай и Япония, не имевшими соглашений о свободной торговле с США. Усиливавшееся соперничество за американский рынок с китайскими, японскими, малаязийскими и другими восточноазиатскими производителями наряду со старением южнокорейской рабочей силы демонстрировало безотлагательность решения задачи повышения национальной конкурентоспособности. Как заявил в ходе телевизионных дебатов в марте 2006 г. премьер-министр Хан Дук Су, соглашение с США является важным для выживания экономики Южной Кореи [10].

В политическом плане ССТ с Соединенными Штатами отвечало долгосрочным стратегическим целям правительства Но Му Хена. Поставив задачу продолжения начатых его предшественником хозяйственных реформ и увеличения к концу десятилетия ВВП на душу населения до 20 тыс. долл., в своей инаугурационной речи в феврале 2003 г. президент открыто говорил о желании пре-

вернуть страну в экономический и финансовый центр Северо-Восточной Азии [см.: 2]. Он также полагал, что РК должна стать «балансиrom» в отношениях между крупными державами в США, но играть такую роль она сможет только при условии, если США сохранят свое военное и экономическое присутствие в регионе, выступая в качестве «противовеса» Китаю и Японии [31, p. 164]. Кроме того, южнокорейские сторонники ССТ полагали, что его заключение поможет уменьшить разногласия между Вашингтоном и Сеулом в отношении КНДР [21, p. 139.]. Таким образом, неудивительно, что инициатива начать переговоры исходила от РК. Это признал сам Но Му Хен. Отвечая на нападки критиков, утверждавших, что США вынудили Корею вступить в переговоры, он в обращении к стране 2 апреля 2007 г. заявил: «Я еще раз хотел бы напомнить, что переговоры о ССТ были впервые предложены и начаты корейским правительством» [5].

Однако Южной Корее приходилось учитывать тот факт, что в течение долгого времени США не считали создание ЗСТ с ней своей первоочередной задачей. Сделав ставку на либерализацию торговли в рамках ВТО и АТЭС, Вашингтон слабо реагировал на зондаж Сеула, равно как и на растущую экономическую кооперацию стран Восточной Азии. С середины 1990-х гг. Соединенные Штаты и Республика Корея обсуждали двустороннее инвестиционное соглашение, которое было призвано улучшить инвестиционный климат путем отказа от дискриминации иностранных инвесторов, создания механизма разрешения споров и защиты зарубежных капиталовложений. США подписали свыше 30 таких договоров с разными странами. В 1999 г. они провели переговоры с РК, окончившиеся провалом. Камнем преткновения стали южнокорейские «экранные квоты», предусматривавшие, что 40% времени в кинотеатрах страны должно быть отведено на показ отечественных фильмов [23, p. 17—18]. Ранее, в ноябре 1997 г., администрация У. Клинтона не включила пораженную кризисом Южную Корею в «Проект пяти», предполагавший образование ЗСТ государств с «близкими взглядами» — США, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура и Чили. Правда, не найдя должной поддержки, «П-5» был вскоре забыт [22, p. 82].

В начале нынешнего века экономические отношения между США и РК омрачил ряд серьезных торговых споров. Южную Корею весьма беспокоила практика применения Вашингтоном защитных мер, на которых настаивали американские компании, страдавшие от конкуренции с корейскими товарами. Например, сталелитейные корпорации США дважды — в феврале 2000 г. и в марте 2002 г. — добились от администрации Дж. Буша-мл. введения защитных мер против зарубежных поставщиков, в результате которых пострадали

южнокорейские производители. Из 14 жалоб, поданных РК в ВТО, 8 касались американских мер защиты торговли [52]. США, в свою очередь, были сильно раздражены запретом на ввоз в Южную Корею говядины, введенным Сеулом в декабре 2003 г. после того, как в штате Вашингтон был выявлен вирус губчатой энцефалопатии, более известной под названием «коровье бешенство». Потеря третьего по величине внешнего рынка наряду с ограничениями на ввоз американской говядины в других странах спровоцировала резкое падение цен на рогатый скот в США. Фермерские ассоциации Америки задействовали все возможные средства, чтобы возобновить поставки в Южную Корею, но переговоры об условиях снятия запрета ни к чему не привели, а лидерство на корейском рынке тем временем перешло к Австралии.

Однако, признавая наличие болезненных для обеих сторон проблем, все же нельзя сказать, что Вашингтон вовсе игнорировал стремление Сеула к установлению более тесных экономических связей между двумя странами. Для урегулирования торговых споров США и РК создали специальный механизм в виде ежеквартальных встреч экспертов по «торговой повестке дня», которые стали проводиться с начала 2001 г. Пассивность Вашингтона в вопросе о создании ЗСТ с Южной Кореей во многом объяснялась тем, что с 1994 г. и до осени 2002 г. Белый дом не располагал полномочиями «ускоренной процедуры». В соответствии с данной процедурой члены Конгресса имеют возможность в течение 90 дней после окончания переговоров ознакомиться с текстом соглашения и дать свои рекомендации, а после его подписания могут только принять или отвергнуть ССТ, но не имеют права вносить в него поправки. Данное положение гарантирует партнерам США, что достигнутые в ходе переговоров уступки не будут затем выхолены американскими законодателями.

Лишь в конце 2004 г., после того как Дж. Буш-мл. вторично получил мандат на управление страной, США начали проявлять интерес к созданию ЗСТ с Южной Кореей. Это было обусловлено рядом причин.

Во-первых, соглашение с седьмым по значимости торговым партнером Америки сулило определенные экономические выгоды. Южнокорейские тарифы были гораздо выше, чем американские: в 2006 г. они составляли в среднем 11,2%, а на сельскохозяйственные товары доходили до 52% (в Соединенных Штатах — 3,7 и 12% соответственно) [26; 6]. Согласно исследованию, которое в начале века провела Комиссия по международной торговле США, при установлении режима свободной торговли американский экспорт в Южную Корею возрос бы на 54%, а импорт оттуда — лишь на 21% [38, р. 5-1—5-2]. По данным вашингтонского Института междуна-

родной экономики, благодаря ССТ американский ВВП увеличился бы на 0,02—0,13%, а южнокорейский — на 0,38—2,41% [8, р. X—XI]. Кроме того, соглашение с РК послужило бы ответом на доводы критиков торговой политики администрации Дж. Буша-мл., утверждавших, что договоры, которые США заключили после НАФТА, не принесли существенных коммерческих дивидендов.

Во-вторых, соглашение с Южной Кореей вписывалось в общую стратегию «конкурентной либерализации», предложенную Робертом Зелликом, который занимал пост торгового представителя США в первой администрации Дж. Буша (2001—2005 гг.). Суть стратегии состояла в оптимальном сочетании многосторонней, региональной и двусторонней торговой либерализации для максимизации встречных уступок. При этом предполагалось заключение ССТ с отдельными странами для поощрения присоединения их соседей к региональным соглашениям, которые, в свою очередь, должны были стимулировать либерализацию на глобальном уровне [подробнее см.: 12]. В первой половине 2000-х гг. США вели переговоры с 19 странами и группами государств в разных концах земного шара. С некоторыми из них (Чили, Сингапуром, Австралией, Марокко, Бахрейном, Оманом, Перу) были подписаны торговые договоры. Администрации Дж. Буша не удалось добиться заключения соглашения с латиноамериканскими странами о создании панамериканской зоны свободной торговли (ФТАА/АЛКА), но она смогла подписать договор о ЗСТ с государствами Центральной Америки. Провал саммита ВТО в Канкуне в сентябре 2003 г. ускорил реализацию концепции «конкурентной либерализации». В региональном измерении фритредерские соглашения с отдельными, пусть даже не очень крупными и влиятельными странами были своего рода тараном, которым США пробивали бреши в стенах, возведенных вокруг уже существовавших торгово-экономических блоков.

В-третьих, Вашингтон больше не мог оставаться в стороне от региональной интеграции в Восточной Азии. Процесс либерализации в рамках АТЭС застопорился, поэтому многие его члены перешли к поиску торговых партнеров среди своих соседей. Сближение восточноазиатских экономик привело к появлению новых крупных блоков, но без участия в них США. Формат «АСЕАН + 3» уже в какой-то мере служил материализацией выдвинутой еще в конце 1990 г. премьер-министром Малайзии Махатхиром бин Мохамадом идеи образования Восточно-Азиатской Экономической Группировки (ВАЭГ), против которой тогда жестко выступила администрация Дж. Буша-ст. Серьезную угрозу «отчуждения» США представляло принятое в конце 2004 г. на встрече глав государств в формате «АСЕАН + 3» решение о проведении в 2005 г. первого

Восточноазиатского саммита в целях обсуждения перспектив формирования в будущем сообщества государств Восточной Азии. В качестве ответной меры в Вашингтоне стали прорабатывать идею создания транстихоокеанской ЗСТ, предложенную в конце 2004 г. в докладе Делового консультативного совета АТЭС. При таком раскладе ССТ с Южной Кореей стало бы демонстрацией желания Соединенных Штатов институционально закрепить свое экономическое присутствие в Восточной Азии. Более того, некоторые аналитики надеялись, что такое соглашение способно вызвать «эффект домино», когда другие восточноазиатские страны будут стремиться заключить аналогичные договоры с США [7].

В-четвертых, не меньшее беспокойство в Вашингтоне вызывала растущая мощь Китайской Народной Республики. Напомним, что составлявшие ядро первой администрации Дж. Буша «неокконы» еще до ее прихода к власти рассматривали КНР в качестве потенциального противника. После событий 11 сентября 2001 г., когда главным врагом Америки стал международный терроризм, на свет появилась концепция «сдерживания и вовлечения» Китая [16]. Его быстрый экономический рост вынуждал соседей, включая Южную Корею, развивать отношения с ним. В результате в 2003 г. Китай вытеснил США с первой строчки в рейтинге торговых партнеров РК, а два года спустя Япония отодвинула их на третье место. Углубление экономических связей Южной Кореи и КНР, в свою очередь, обусловило сближение их подходов к решению многих сложных региональных внешнеполитических вопросов. Например, по свидетельству российского исследователя А.В. Воронцова, на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы КНДР позиции южнокорейской делегации чаще совпадали с взглядами официальных лиц Китая, чем Соединенных Штатов [1]. Администрацию Дж. Буша не могло не тревожить, что ближайший союзник Вашингтона сближается с КНР. Некоторые ее представители полагали, что ССТ с Южной Кореей поможет укрепить позиции США в Восточной Азии, уравновесив растущее влияние Китая, тогда как отказ от него способен причинить ущерб американо-южнокорейскому союзу.

Наконец, в-пятых, соглашение о ЗСТ потенциально способно было помочь Соединенным Штатам и Южной Корее укрепить партнерство, угроза ослабления которого появилась вследствие определенных разногласий во внешнеполитической сфере, наметившихся с конца 1990-х гг. в связи с изменением международной обстановки в регионе. В первую очередь эти разногласия касались отношения к Северной Корее. Южнокорейская «политика солнечного тепла», исходной точкой которой стала историческая встреча на высшем уровне между лидером КНДР Ким Чен Иром

и президентом РК Ким Дэ Чжуном в Пхеньяне в июне 2000 г., вызвала неоднозначную реакцию Вашингтона. С одной стороны, «политика солнечного тепла» позволяла ускорить процесс межкорейского сближения с перспективой объединения в будущем севера и юга. С другой стороны, наличие общего врага с начала 1950-х гг. сплачивало и цементировало американско-корейский военный союз, а новая политика Сеула, направленная на улучшение отношений с Северной Кореей, по сути означала, что РК уже не воспринимает КНДР в качестве военной угрозы. Более того, Но Му Хен и его окружение стали даже претендовать на роль посредника между Вашингтоном и Пхеньяном. Попытки администрации Дж. Буша, включившей Северную Корею в «ось зла», убедить южнокорейское руководство в необходимости совместного давления на КНДР с целью заставить ее отказаться от своих ядерных амбиций вызывали раздражение в правящих кругах РК и рост антиамериканских настроений в обществе. Многие эксперты в Соединенных Штатах и Южной Корее рассчитывали, что внешне далекое от политики ССТ будет способствовать укреплению военно-политического союза двух стран [15].

II

В ходе предварительных двусторонних консультаций США поставили перед южнокорейским правительством четыре условия, без выполнения которых Вашингтон отказывался вести формальные переговоры о фритредерском соглашении. Сеул должен был приостановить регулирование цен на фармацевтические товары, смягчить требования по выбросу отработанных газов для ввозимых из США автомобилей, возобновить импорт американской говядины и снизить квоту на прокат зарубежных фильмов со 146 до 73 дней в год. С октября 2005 г. по январь 2006 г. Южная Корея одно за другим приняла все требования американской стороны [29]. Торговый представитель США Роб Портмен и южнокорейский министр торговли Ким Хен Чон объявили, что Соединенные Штаты и Республика Корея в мае начнут переговоры по двустороннему ССТ. Завершить их необходимо было до 1 апреля 2007 г., когда истекал срок действия полномочий по «ускоренной процедуре». Затем в течение трех месяцев соглашение должно было рассматриваться в комитетах Конгресса, а до 30 июня, даты прекращения действия закона 2002 г. о поощрении торговли, его нужно было подписать. Столь жесткие временные ограничения наложили отпечаток и на переговорный процесс, и на текст договора, а также стали косвенной причиной задержки его обсуждения и ратификации законодательными органами двух стран.

Переговоры проходили попеременно то в Вашингтоне, то в Сеуле. Повестку дня каждого раунда определяли, как правило, Соединенные Штаты, включая в нее круг вопросов, характерных для других фритредерских соглашений, которые США заключили после НАФТА. В сжатом виде вынесенные на обсуждение темы были изложены в уведомлении, направленном Р. Портменом в Конгресс 2 февраля 2006 г. Главная цель Соединенных Штатов состояла в расширении доступа американских компаний к южнокорейским рынкам сельскохозяйственных продуктов, фармацевтических препаратов, высокотехнологичных товаров промышленного назначения, а также услуг, особенно финансовых и профессиональных [9, р. S503—S505]. Так как Южная Корея гораздо больше зависела от США, чем последние от нее, делегация РК на переговорах в основном реагировала на требования американцев. Это, однако, отнюдь не свидетельствовало о слабости переговорных позиций Сеула в целом. На пресс-конференции 2 февраля 2006 г., отвечая на вопрос об открытии сельскохозяйственного рынка, Ким Хен Чон сразу предупредил, что его страна готова принять «трудные решения», но при этом отметил: «...я не знаю ни одного соглашения о свободной торговле, в котором бы не было исключений...» [44].

Одной из самых сложных проблем на переговорах стала либерализация торговли сельскохозяйственной продукцией, на чем особо настаивали США. Южная Корея является одним из главных импортеров продовольствия в мире, однако степень защиты ее аграрного сектора едва ли не самая высокая среди стран — членов ОЭСР. В 2007 г. средний таможенный тариф в РК на сельскохозяйственные товары составлял 49% (в США — 12%) [53]. Благодаря торговому протекционизму и государственным субсидиям формируются примерно 70% доходов южнокорейских фермеров (в ОЭСР данный показатель в среднем в два раза ниже). Несмотря на то что в сельском хозяйстве занято всего около 7% южнокорейской рабочей силы, тесные родственные и культурно-исторические связи с городским населением делают фермеров влиятельной политической силой. Например, рис, значительная часть которого по квотам ввозится из-за границы, рассматривается почти как национальное достояние. Неслучайно США вынуждены были согласиться на его исключение из ССТ. Представители американской стороны на переговорах хорошо понимали, что из-за внутреннего политического давления их южнокорейские коллеги не могли удовлетворить их требования о снятии квот. «В конечном счете, — признавался заместитель торгового представителя США Каран Бхатия, — перед нами встал вопрос: либо принять очень, очень хорошее, хотя и не всеобъемлющее соглашение, либо вообще не иметь никакого договора, поскольку Южная Корея отказалась обсуждать рис» [45, р. 5].

В окончательном варианте ССТ предусматривало, что Сеул продолжит выполнять свои обязательства по увеличению импорта риса в соответствии с многосторонними торговыми соглашениями.

В части переговоров, касающейся промышленных товаров, наибольшее напряжение вызвал вопрос об облегчении доступа на южнокорейский рынок американских автомашин. РК вошла в число ведущих автомобилестроительных держав мира сравнительно поздно. До кризиса 1997—1998 гг. она проводила жесткую протекционистскую политику в данном секторе: до 1987 г. (а для Японии — до 1999 г.) ввоз в страну иностранных автомашин был запрещен [41, р. 60]. Однако такая стратегия оказалась неэффективной: из трясины кризиса смогла выбраться лишь одна корпорация — Hyundai, поглотившая и Kia. Третья ведущая южнокорейская компания — Daewoo — попала под контроль американской General Motors [41, р. 60—61; 24, р. 101—102]. Емкий потребительский рынок США, защищенный относительно низким тарифом (2,5%), оказался весьма привлекательной целью для ориентированных на экспорт южнокорейских автомобилестроительных компаний. Ввоз их продукции в Соединенные Штаты достиг максимума в 2004 г. (860 тыс. единиц), а затем стал снижаться (до 675 тыс. в 2007 г.). Продажи американских автомобилей в Южной Корее в течение всего последнего десятилетия не достигали 7 тыс. в год [20]. Это было обусловлено, как считали в Вашингтоне, более высокими таможенными тарифами (8%), которые рассчитывались с учетом рабочего объема двигателя. Такой подход создавал проблемы для ввоза в страну американских автомашин, более мощных, чем южнокорейские. Не устраивали американских производителей и южнокорейские стандарты эмиссии выхлопных газов, которые, по их мнению, превышали международные нормы [27, р. 413—414].

Для поиска взаимоприемлемого решения проблем в торговле автомобилями в рамках переговоров по ССТ была создана специальная рабочая группа, однако урегулировать все вопросы до окончания обсуждения так и не удалось. Согласно подписанному соглашению, США принимали на себя обязательства сразу устранить тарифы на импорт южнокорейских автомобилей с объемом двигателя до 3 л, через 3 года — на более мощные машины, а через 10 лет — на грузовики, облагавшиеся по самой высокой ставке (25%). Южная Корея, в свою очередь, устраняла пошлины на американские автомобили, согласилась в перспективе предоставить национальный режим продукции автопроизводителей из США, обязалась смягчить стандарты эмиссии выхлопных газов и сделать некоторые другие послабления для иностранных производителей, чьи продажи в РК составляли менее 10 тыс. автомобилей в год [25]. Кроме того, США и Южная Корея договорились создать специ-

альный механизм урегулирования споров, касающихся торговли легковыми автомобилями, и постоянную Рабочую группу, которая должна будет заниматься изучением проблем в данном секторе и выработкой рекомендаций.

Одной из целей РК на переговорах было включение в сферу действия преференциального режима ССТ товаров из «внешних производственных зон» (outward processing zones). Речь в первую очередь шла о продукции промышленного комплекса, расположенного в 40 милях к северу от Сеула около северокорейского города Кэсон. Идея образования такой зоны возникла у южнокорейских компаний, стремившихся усилить свои конкурентные преимущества на международных рынках, используя дешевую землю и рабочую силу КНДР, еще в конце 1990-х гг. Северокорейские власти, в свою очередь, увидев в этом стабильный источник получения валюты, создали на данной территории наиболее благоприятные условия для иностранных инвесторов. Строительство комплекса началось весной 2004 г. Десятилетний план развития зоны был рассчитан на производство экспортно ориентированной продукции, включая ткани, медикаменты, обувь, изделия из кожи, электротовары, металлоконструкции и т.д. [подробнее см.: 4]. С политической точки зрения комплекс стал важной частью «политики солнечного тепла». Южнокорейское правительство полагало, что при той широкой поддержке, которой пользовался проект в обществе, он будет способствовать укреплению стабильности на Корейском полуострове и ослаблению напряженности в отношениях между севером и югом.

Со времени открытия Кэсонского комплекса Сеул стремился к тому, чтобы выпускаемые им товары рассматривались как произведенные в Южной Корее. США не противились созданию производственной зоны в КНДР, но не собирались допускать на свой рынок изготовленную на ее территории продукцию. Так, Р. Портмен уже в самом начале переговоров в категоричной форме заявил, что двустороннее соглашение будет охватывать только южнокорейские товары и услуги. Выраженное столь недвусмысленно намерение администрации Дж. Буша считать «кэсонскую» продукцию северокорейской создавало тупиковую ситуацию. Против КНДР в США действует режим жестких экономических санкций, снимать которые никто не собирался. Конкретными претензиями последней на переговорах были условия труда северокорейских рабочих и доходы, которые комплекс может принести правящему режиму КНДР. Парируя эти обвинения, южнокорейские представители утверждали, что условия труда в промышленной зоне намного лучше, чем по стране в целом, а доходы Пхеньяна от комплекса в принципе были сравнительно невелики (менее 20 млн долл. в 2005 г.) [14].

В мае 2006 г. правительство РК сообщило Национальному собранию, что оно будет пытаться создать для Кэсонской зоны такой же режим, какой предусмотрен для южнокорейских компаний в соглашении с ЕАСТ. В середине июня Министерство иностранных дел и внешней торговли РК организовало поездку в Кэсон послов США, Китая, России, Японии и других стран. Во время пребывания там министр национального объединения Ли Чжон Сок заявил, что проект будет выполнен независимо от того, с какими трудностями придется столкнуться. На переговорах южнокорейские представители обращали внимание на то, что практика США по заключению ССТ с другими странами, например с Малайзией, знает прецеденты включения в них экстерриториальных производственных анклавов. Однако все усилия южнокорейской стороны были подорваны действиями Северной Кореи, проведшей летом 2006 г. ракетные испытания. Сразу после них Сеул приостановил прием новых заявок от фирм, желавших вложить капитал во вторую фазу комплекса. Вместе с тем примечательно, что даже после испытаний 9 октября 2006 г. небольшого ядерного устройства в КНДР и принятия жесткой резолюции Совета Безопасности ООН № 1718 Сеул не поддался требованиям США ужесточить санкции против Пхеньяна и не согласился свернуть проект. Более того, в январе 2007 г. было объявлено, что еще 40 фирм, отобранных до приостановки приема заявок, начнут операции в Кэсоне в 2007 г. Видя настойчивость Южной Кореи, США несколько смягчили свою позицию на переговорах, в результате чего удалось достичь компромисса: слово «Кэсон» в тексте соглашения не упоминается, однако стороны договорились о том, что спустя год после вступления ССТ в силу они сформируют двусторонний комитет, задачей которого будет разработка критериев включения в режим свободной торговли продукции из «внешних производственных зон» на Корейском полуострове.

После восьми раундов напряженных переговоров (не считая многочисленных встреч по «сторонним» вопросам), продолжавшихся в течение 10 месяцев вплоть до истечения срока действия полномочий по «ускоренной процедуре», 1 апреля 2007 г. стороны объявили о завершении обсуждения. Насколько сложным оказался путь к соглашению, можно судить уже по тому, что во время последнего раунда в марте 2007 г. американские и южнокорейские представители встречались восемь дней подряд, зачастую работая до глубокой ночи. Вместе с тем завершение переговоров было важной, но не конечной вехой на пути к соглашению. Переданный на рассмотрение соответствующих комитетов Конгресса США текст столкнулся с оппозицией, состоявшей в основном из представителей Демократической партии. По их требованию были усилены

положения ССТ, касавшиеся охраны окружающей среды и защиты прав наемных работников. Корея согласилась с поправками, открыв тем самым путь к формальному заключению договора [17]. В субботу 30 июня 2007 г., за несколько часов до истечения полномочий по закону 2002 г., в Вашингтоне южнокорейский министр торговли Ким Хен Чон и сменившая Р. Портмена на посту торгового представителя США Сьюзен Шваб подписали американо-корейское соглашение о свободной торговле [37].

В целом ССТ стало продуктом компромисса. По словам участников переговоров, обеим сторонам пришлось пойти на определенные уступки, в частности Южной Корее — в сферах сельского хозяйства и услуг, а США — в вопросах о рисе и текстиле. Компромиссный характер соглашения нашел отражение и в его структуре. За исключением нескольких положений, связанных со специфическими проблемами американо-южнокорейских торговых отношений, например пошлинами на импортные автомобили в Южной Корее и Кэсонским промышленным комплексом, подписанное соглашение во многом напоминает структуру других фритредерских договоров, которые США заключили после НАФТА.

КОРЮСФТА содержит 24 главы, посвященные отдельным сферам внешнеэкономической деятельности и практике внутреннего регулирования рынка стран-участниц, а также ряд приложений, в которых определены конкретные сроки устранения тарифов на различные виды продукции и услуг. Наиболее четко прописаны положения, касающиеся торговли товарами (Глава 2). Либерализация в этой сфере опирается на ясные предписания, конкретизированные через количественные показатели (сроки и масштабы устранения тарифов и других барьеров). В отдельных приложениях приведены графики снижения тарифов, а также списки товаров, в отношении которых используются особые схемы либерализации. За первые 3 года после вступления соглашения в действие двусторонняя торговля промышленными товарами более чем на 90% должна стать беспошлинной. Оставшиеся тарифы предполагается ликвидировать в течение последующих 10 лет. Несколько разделов соглашения посвящены «чувствительным» товарам — текстилю и одежде (Глава 4), фармацевтической продукции и медицинским приборам (Глава 5), а также техническим торговым барьерам — стандартам, мерам технического регулирования, правилам определения страны происхождения изделий, санитарным и прочим защитным мерам (Главы 6—10). К «чувствительным» товарам можно отнести и продукцию аграрного сектора (Глава 3). По соглашению предполагается немедленно освободить от пошлин ввозимые из США сельскохозяйственные товары на сумму более 1 млрд долл., а в течение 10 лет после вступления ССТ в силу — постепенно от-

менить большинство остальных тарифов. Южнокорейский сельскохозяйственный экспорт в Америку сравнительно невелик (246 млн долл. в 2009 г.), и США согласились полностью освободить его от обложения в течение 15 лет [см.: 13].

Помимо снижения и ликвидации ввозных пошлин и нетарифных барьеров соглашение предусматривает совместные меры в инвестиционной сфере (Глава 11) и торговле услугами (Глава 12). Как и во многих других подписанных США фритредерских соглашениях, в самостоятельные главы выделены финансовые услуги (Глава 13), телекоммуникации (Глава 14) и электронная торговля (Глава 15). Затем следуют разделы о принципах регулирования конкуренции, либерализации рынка государственных контрактов и закупок, охране прав интеллектуальной собственности, укреплении сотрудничества в области защиты трудовых прав и окружающей среды, прозрачности регулирующих процедур и разрешении спорных ситуаций и конфликтов (Главы 16—22). ССТ не предусматривает изменений в практике использования антидемпинговых и компенсационных норм США, на чем настаивала Южная Корея [42, р. 6-1]. Стороны сохраняют все права и обязательства по соглашениям ВТО, т.е. могут вводить подобные меры друг против друга. Либерализация торговли услугами, инвестиции, вопросы применения стандартов и прочие элементы соглашения, помимо принципа уравнивания в правах иностранных предпринимателей с национальными, содержат лишь обобщенные рекомендации в отношении возможных шагов для облегчения условий того или иного вида трансакции. При этом используются ссылки на подписанные сторонами международные договоры в рамках ВТО.

Отдельной темой является общественный резонанс, который вызвали в США и Южной Корее сначала переговоры, а затем и само соглашение. Достаточно сказать, что в Соединенных Штатах в числе его сторонников оказались крупнейшие организации американского бизнеса. Их позицию в целом разделяли производители сельхозпродукции, увидевшие в соглашении возможность возобновления импорта говядины и расширения ввоза на южнокорейский рынок других сельскохозяйственных товаров. Однако в США было немало и тех, кто выступил против ССТ с Южной Кореей. Среди «оппозиционеров» оказались производители риса, выражавшие свое разочарование в связи с исключением их продукции из соглашения, а также производители стали, текстиля, автомобилестроительные корпорации Ford и Chrysler, считавшие, что договор слабо учитывает их интересы. Противниками КОРЮСФТА, как, впрочем, и большинства других подобных соглашений, оказались профсоюзы. Позиция американских законодателей тоже варьировала в зависимости от партийной принадлежности, штата,

настроения избирателей и т.д., но в основном против ССТ выступали демократы.

Реакция общественности на переговоры и заключение соглашения в Южной Корее была более бурной, чем в США. Дебаты по различным аспектам КОРЮСФТА занимали первые полосы газет. Опросы общественного мнения в целом отмечали раскол южнокорейского общества по вопросу установления режима свободной торговли с США. Число сторонников соглашения постепенно росло, что отчасти было следствием развернутой южнокорейским правительством широкой пропагандистской кампании в пользу ССТ. Его противники, в рядах которых оказались представители сельскохозяйственных ассоциаций, киноиндустрии, фармацевтических компаний, профсоюзов, тоже не бездействовали. Переговоры сопровождались почти непрерывными и нередко массовыми акциями протеста. Доходило до крайностей: так, спустя несколько часов после заключения соглашения в знак протеста совершил самоубийство южнокорейский таксист.

III

Цейтнот, в котором постоянно пребывали американские и южнокорейские представители на переговорах, привел к тому, что они сознательно вынуждены были обходить некоторые важные, но требующие длительной проработки проблемы. Так, с конца 2003 г. камнем преткновения в экономических отношениях двух стран является экспорт в Южную Корею американской говядины. Формально данный вопрос не был предметом переговоров по ССТ, но его влияние ощущалось постоянно. Возобновление экспорта было одним из условий участия США в переговорном процессе. РК выполнила его, но с определенными ограничениями. Ссылаясь на международные правила, представители южнокорейской делегации утверждали, что Соединенные Штаты как «страна риска» могут поставлять за рубеж только мясо телят моложе 30 месяцев, в котором не содержатся костные фрагменты, способные переносить возбудителей опасного вируса. В марте 2006 г. в США была зафиксирована новая вспышка «коровьего бешенства» и поставки снова были прекращены. Лишь в сентябре, испытывая сильное давление со стороны Вашингтона, Сеул заявил о возобновлении импорта. В декабре были завезены три первые партии замороженного мяса, однако южнокорейские инспекторы запретили его продажу из-за обнаружения в нескольких упаковках мелких фрагментов костей. Обстановка на переговорах накалилась. Торговый представитель США решил не участвовать в течение нескольких недель в деятельности рабочей группы по санитарному и фитоса-

нитарному контролю. Однако срок окончания переговоров неумолимо приближался, поэтому дискуссия о поставках говядины переместилась на президентский уровень.

После встречи с Дж. Бушем 20 марта 2007 г. Но Му Хен заявил, что «без открытия корейского рынка говядины США угрожают сорвать переговоры по ССТ с Южной Кореей, хотя торговля говядиной не стоит в повестке дня переговоров о соглашении» [32]. В КОРЮСФТА говядина упомянута наряду с другими сельскохозяйственными товарами. Южная Корея взяла на себя обязательство в течение 15 лет устранить высокие тарифы (40%) на ввозимое из США говяжье мясо, но получила право на временной основе вводить защитительные пошлины в случае резкого увеличения импорта. Правда, «административный ресурс» все же сыграл свою роль: в конце апреля 2007 г. РК возобновила импорт телятины, сохранив эмбарго на ввоз говядины на кости. Южнокорейское руководство отметило, что в полном объеме экспорт говядины может быть восстановлен только тогда, когда Всемирная организация по охране здоровья животных признает США «страной, контролирующей риск». В конце мая такое решение было принято, и администрация Белого дома сразу же удвоила давление на Южную Корею в целях снятия всех ограничений. Торговый представитель США С. Шваб предупредила, что КОРЮСФТА «не пройдет через Конгресс, если Корея вновь не откроет свой рынок для американской говядины, включая вырезку, мясо с костью, субпродукты и мясные изделия» [28]. Сеул не спешил с ответом, аргументируя свою позицию заботой о здоровье своих граждан. 30 мая в привезенном из США мясе были обнаружены ребра, и весь импорт вновь был приостановлен, а проверки мяса временно прекращены. До конца 2007 г. такая ситуация возникала еще дважды (в августе и октябре). Проведенные 11—12 октября 2007 г. двусторонние консультации технических экспертов ни к чему не привели [35, р. 6].

Стоит отметить, что наряду с нарушениями американскими поставщиками соглашения 2006 г. переговорный процесс тормозило просматривавшееся в действиях южнокорейской стороны желание оттянуть достижение договоренностей до завершения президентских выборов 19 декабря 2007 г. Победителем из президентской гонки вышел не профессиональный политик или военный, как было прежде, а представитель деловых кругов, лидер находившейся в течение 10 лет в оппозиции консервативной «Партии великой страны» Ли Мен Бак. Он прямо говорил о своем желании всемерно развивать отношения с Соединенными Штатами. Конгресс США, в свою очередь, пошел на беспрецедентный шаг, приняв резолюцию с приветствием избрания Ли Мен Бака главой южнокорейского государства. На инаугурации 25 февраля 2008 г. амери-

канская делегация была весьма представительной и возглавлялась госсекретарем К. Райс. Через две недели после официального вступления в должность Ли Мен Бак приехал в Вашингтон, чтобы продвинуть процесс утверждения КОРЮСФТА. 18 апреля 2008 г. он договорился с Дж. Бушем об облегчении правил ввоза американской говядины, что должно было помочь прохождению соглашения о свободной торговле через Конгресс [18]. Эти договоренности спровоцировали «мясной бунт» в Южной Корее. Вследствие распространившихся в Интернете и по телевидению слухов о том, что говядина из США небезопасна для здоровья людей, студенты, профсоюзы и потребители развернули массовые акции протеста. В результате ушли в отставку несколько министров, а на президента обрушился град жесткой критики. Однако урегулирования вопроса о поставке говядины необходимо было достичь прежде, чем Дж. Буш рассмотрит отправку КОРЮСФТА на Капитолийский холм. После проведенных в экстренном порядке переговоров 21 июня 2008 г. стороны одобрили соглашение о «добровольном частном секторе», которое позволяло южнокорейским фирмам ввозить мясо телят моложе 30 месяцев. Обе страны рассматривали это решение как переходную меру, пока корейские потребители вновь не обретут доверие к американской говядине.

С начала 2008 г. американо-корейский диалог по проблемам ССТ проходил уже на фоне разразившегося глобального финансового кризиса. Из-за резкого снижения возможностей кредитования торговых сделок и усиления протекционистских настроений во многих странах мира международная торговля ощутила его воздействие более остро, чем мировая экономика в целом. Тема протекционизма постоянно фигурировала на саммитах и министерских конференциях «Большой двадцатки», «Группы 8», АТЭС и других влиятельных международных форумов. В связи с возросшей неопределенностью перспектив окончания Дохийского раунда усилились пессимистичные настроения вокруг ВТО. На фоне ухудшавшейся из-за углубления кризиса внутренней ситуации в США в развернувшейся президентской избирательной кампании вопрос об утверждении уже заключенных администрацией Дж. Буша ССТ с Южной Кореей, Панамой и Колумбией большинство претендентов на высший государственный пост решали отрицательно. Не был исключением и победивший в конечном итоге кандидат от Демократической партии сенатор Барак Обама. Во время предвыборного марафона он выступал против ратификации соглашения с РК, считая его «несправедливым» по отношению к американским экспортерам [19].

Однако уже в первые месяцы пребывания у власти и сам Б. Обама, и его окружение стали постепенно менять мнение о КОРЮСФТА.

На слушаниях в сенатском Комитете по финансам в марте 2009 г. Рон Кирк, назначенный на пост торгового представителя США, назвал это соглашение «неприемлемым» и «просто несправедливым», но в то же время отметил, что расширение торговли с Республикой Корея является «одной из самых больших возможностей, которые мы имеем» [40; 39, р. 12—13]. Понятно, что в условиях мирового кризиса администрация демократов в большей степени была озабочена решением сложнейших внутренних проблем, таких как регулирование финансовых рынков, реформа здравоохранения и других, а торговля на тот момент не была в числе ее приоритетов. Борьба с кризисом впервые свела Б. Обаму и Ли Мен Бака на саммите «Группы 20» в Лондоне 2 апреля 2009 г. Позже один из сотрудников аппарата американского президента рассказывал, что Б. Обама выразил свою поддержку ССТ с Южной Кореей, но указал на нерешенные вопросы с экспортом говядины и автомобилей. Тем не менее Б. Обама известил собеседника о своем намерении «добиться продвижения» по КОРЮСФТА. Лидеры обеих стран договорились дать поручение своим подчиненным обсудить, как добиться прогресса в этом направлении [46]. На второй встрече 16 июня 2009 г. в Вашингтоне Б. Обама и Ли Мен Бак, не называя конкретных сроков, публично подтвердили свое стремление улучшить ССТ и настоять на его ратификации национальными парламентами.

Начавшиеся по инициативе «сверху» консультации на экспертном уровне, однако, вновь показали, что стороны не могут найти взаимоприемлемого решения по вопросам о говядине и автомобилях. Заминкой Вашингтона воспользовался Евросоюз. Для Южной Кореи отношения с европейскими странами имеют очень большое значение: ЕС является вторым по величине после Китая рынком сбыта южнокорейской продукции, крупнейшим внешним инвестором в экономику РК и источником современных технологий для нее. Еще в апреле 2000 г. вступило в силу экономическое соглашение между Республикой Корея и Европейским союзом, которое стимулировало дальнейшее расширение торгово-экономических, инвестиционных и научно-технических связей между ними. В мае 2007 г. Евросоюз и Южная Корея объявили о решении начать переговоры по вопросу о заключении ССТ. Этот договор имел практически те же недостатки, что и КОРЮСФТА, и ему активно противились европейские автопроизводители, однако 15 октября 2009 г. ЕС и РК подписали его [43]. В США верно оценили значение данного соглашения. По словам Р. Кирка, обращенным к американским бизнесменам, ССТ между Южной Кореей и Евросоюзом обеспечит конкурентные преимущества европейским фирмам на южнокорейском рынке, в то время как КОРЮСФТА

все еще дожидается одобрения Конгресса. В ходе визита Б. Обамы в Южную Корею в ноябре 2009 г. американский президент и лидер РК вновь пообещали «удвоить» усилия для окончательного урегулирования нерешенных вопросов [51].

Однако через день после совместной пресс-конференции канцелярия Ли Мен Бака заявила о невозможности внесения каких-либо изменений в текст соглашения, подчеркнув при этом, что если Соединенные Штаты будут настаивать на пересмотре договора, то РК выдвинет собственные требования к нему. Заявление породило слухи о том, что Сеул предложил пересмотреть КОРЮСФТА. В США о внесении поправок в соглашение говорили многие, особенно конгрессмены, с момента окончания переговоров в июне 2007 г., но южнокорейское руководство постоянно отвергало такую возможность, отмечая, что при подписании ССТ ему пришлось согласиться на негативные последствия установления режима свободной торговли для корейской экономики, в первую очередь для сельского хозяйства. На этот раз официальным лицам также пришлось выступить с опровержением. По словам министра торговли Ким Чон Уна, заявление президента означало лишь готовность РК к обсуждению данного вопроса [3].

Такой подход можно считать вполне оправданным, учитывая заинтересованность Южной Кореи в американском рынке и военно-политическом сотрудничестве с США. Необходимость укрепления союзнических отношений приобрела для Сеула еще большую важность после затопления в марте 2010 г. южнокорейского военного корабля «Cheonan» в спорных с КНДР водах. По мнению международной комиссии, расследовавшей инцидент, его виновницей была северокорейская субмарина. Ставки и в области экономики, и в сфере безопасности сразу возросли. Встретившись с Ли Мен Баком на «полях» саммита «Большой двадцатки» в Торонто в июне 2010 г., Б. Обама вновь выразил желание «оживить» процесс ратификации ССТ. На пресс-конференции 26 июня он объявил, что поручит Р. Кирку связаться с южнокорейским министром торговли и ускорить проработку нерешенных вопросов с тем, чтобы к ноябрю, т.е. к новой встрече «Группы двадцати» в Сеуле, подготовить согласованный вариант их урегулирования. Тогда же, пожалуй, впервые Б. Обама озвучил примерные сроки передачи КОРЮСФТА в Конгресс, сказав, что намерен «через несколько месяцев» после ноябрьского саммита направить законодателям соответствующий законопроект [50]. На последовавших брифингах члены администрации Белого дома указывали на то, что главной проблемой по-прежнему остается доступ на южнокорейский рынок американских автомобилей и говядины.

Завершить обсуждение к новой встрече G20, проходившей в Сеуле 11—12 ноября 2010 г., сторонам не удалось. На совместной пресс-конференции Б. Обама и Ли Мен Бак заверили присутствовавших там журналистов в том, что поручили своим делегациям «активно работать в ближайшие дни и недели, чтобы завершить подготовку документа». Американский президент особо отметил, что «хорошо отработанное» соглашение будет «выигрышным» для обеих стран [47]. Твердое желание лидеров ускорить процесс обсуждения КОРЮСФТА принесло свои плоды. 4 декабря 2010 г. в г. Колумбия, штат Мэриленд, Б. Обама и Ли Мен Бак объявили о достижении соглашения по обновлению ряда положений ССТ [48]. Декабрьские договоренности уточнили и расширили многие пункты КОРЮСФТА, касающиеся сферы сельского хозяйства, услуг, инвестиций, государственных закупок, охраны окружающей среды и трудовых прав. В то же время они фактически оставили в стороне вызывавший серьезные разногласия вопрос о говядине. Наибольших уступок стороны добились друг от друга в сфере автомобильной торговли. Так, в соответствии с обновленным текстом договора Южная Корея снизит действующий тариф на американские автомобили с 8 до 4%, хотя прежде предусматривалась его немедленная отмена, а США откажутся от 2,5% тарифа на ввоз южнокорейских автомобилей через 5 лет, а не сразу или через 3 года, как предполагалось ранее. Кроме того, каждый год «детройтская тройка» (Ford, General Motors и Chrysler) сможет поставлять в РК 25 тыс. автомобилей, которые отвечают американским, а не южнокорейским стандартам безопасности [36]. Выгоды, которые сулит американским автомобилестроителям декабрьское соглашение, подтверждает тот факт, что его одобрили ранее находившиеся в оппозиции к ССТ компания Ford и даже отраслевой профсоюз. По словам одного из представителей администрации Б. Обамы, «много времени прошло с тех пор, когда какой-либо профсоюз поддерживал торговое соглашение» [33].

10 февраля 2011 г. Соединенные Штаты и Республика Корея обменялись текстами обновленного договора. Накануне, выступая перед обширной аудиторией представителей деловых кругов, собравшихся в штаб-квартире Торговой палаты США, Б. Обама заявил: «Мы завершили торговое соглашение с Южной Кореей, которое обеспечит по крайней мере 70 тыс. рабочих мест в Америке. И, между прочим, оно является соглашением, которое обладает беспрецедентной поддержкой со стороны бизнеса и профсоюзов» [49]. Оптимизм президента вполне понятен, но перспективы ратификации КОРЮСФТА американскими законодателями остаются весьма туманными. Коалиция противников соглашения достаточно сильна. Еще в декабре 2010 г. Белый дом опубликовал подборку заявле-

ний конгрессменов, лидеров бизнеса, представителей общественных организаций, выступавших в защиту ССТ с Южной Кореей, но многие демократы в Конгрессе продолжают занимать враждебную по отношению к договору позицию. Более того, в начале марта 2011 г. группа конгрессменов-республиканцев, в принципе поддерживающих соглашение, неожиданно заявила, что одобрит его только в том случае, если оно будет представлено в «пакете» с также пока не ратифицированными договорами с Колумбией и Панамой. Таким образом, основная борьба еще впереди.

* * *

Ратификация соглашения о свободной торговле с Южной Кореей является для администрации Б. Обамы не просто завершением начатого ее предшественницей дела. С начала нынешнего столетия США использовали двусторонние фритредерские договоры для поощрения либерализации на глобальном уровне и одновременно для укрепления своих позиций в различных регионах мира. В Восточной Азии политика «конкурентной либерализации» была своего рода ответом на ускорение интеграционных процессов, выразившееся в заключении большого числа двусторонних и многосторонних региональных соглашений, ни одно из которых не включало США. Администрации Дж. Буша-мл. удалось отчасти исправить это положение, подписав договоры с Сингапуром и Австралией, но по своему значению ни один из них не может сравниться с КОРЮСФТА. Создание зоны свободной торговли с одной из ключевых стран региона открывает возможности формирования более широких торговых блоков, но главное — устраняет угрозу «развала» АТР на две части — «западную», восточноазиатскую, и «восточную», американскую, с условной границей по середине Тихого океана. В целях предотвращения такого сценария в свое время был образован АТЭС, который, однако, не смог перерасти в полноценное интеграционное объединение. Попытки Дж. Буша инициировать создание на его основе Транстихоокеанской зоны свободной торговли не привели к ощутимым результатам, но подготовили почву для последующих усилий в этом направлении.

В 2011 г. Соединенные Штаты заняли пост председателя АТЭС и по традиции на их территории (в Гонолулу, штат Гавайи) в конце года пройдет его очередной саммит, повестку дня которого определяет принимающая страна. Таким образом, администрация Б. Обамы, осмыслив теоретические наработки и обобщив полученный опыт, имеет прекрасную возможность представить государствам АТР свое видение региональной «архитектуры». С этой точки зрения провал ратификации соглашения с Южной Кореей, вероятно, будет означать, что США останутся за бортом региональных эко-

номических группировок в Восточной Азии, а в роли ключевого партнера в них выступит Китай. Одобрение же КОРЮСФТА, напротив, может подвинуть другие восточноазиатские страны к заключению аналогичных соглашений с Америкой, чтобы не потерять свою долю ее огромного внутреннего рынка в пользу тех, кто подобные договоры уже имеет. ССТ с Южной Кореей вполне могло бы послужить катализатором следующей стадии продвижения свободной торговли не только на региональном, но и на глобальном уровне. В то же время очевидно, что в ближайшие месяцы Б. Обаме предстоит борьба сразу на двух фронтах. С одной стороны, ему необходимо убедить американских законодателей в важности соглашения с РК для обеспечения экономических и политических интересов США в АТР, а с другой — добиваться от Сеула дальнейших уступок, чтобы облегчить прохождение ССТ в Конгрессе. Исход этой борьбы важен и для России, которая еще не имеет фритредерских соглашений с государствами АТР, но как тихоокеанская держава, которая стремится вступить в ВТО, стать членом Восточноазиатского саммита и будет председательствовать в АТЭС в следующем году, должна хорошо знать своих партнеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцов А.В.* Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 27—40.
2. *Ким Ен Ун, Асмолов К.В., Суслина С.С.* Республика Корея в 2005 году // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 109—117.
3. Корея исключает возможность пересмотра соглашения о свободной торговле с США («Yonhap News Agency», Южная Корея) [Электронный ресурс] // InoСМИ.ru [Интернет-портал]. 20.11.2009 г. URL: <http://www.inosmi.ru/foreast/20091120/156579585.html> (дата обращения: 25.02.2011).
4. *Санжиев А.А.* Кэсонский промышленный комплекс: современное состояние и перспективы развития // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 82—90.
5. Address to the Nation by President Roh Moo-hyun on the Successful Conclusion of the KORUS FTA Negotiations, April 2, 2007 [Electronic resource] // American Chamber of Commerce in Korea [Official website]. URL: http://www.amchamkorea.org/publications/information_detail.php?id=134 (дата обращения: 23.02.2011).
6. American Farm Bureau Federation. Implications of a South Korea—U.S. Free Trade Agreement on U.S. Agriculture. Economic Analysis Team [Electronic resource] // U.S.—Korea FTA Business Coalition [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: <http://www.uskoreafta.com/sites/default/files/AFBKORUSFTAReport.pdf> (дата обращения: 02.03.2011).
7. *Barfield C.* U.S.—South Korea FTA: A Tipping Point. The Policy Monitor. Medley Global Advisors. April 13, 2007 [Electronic resource] // American En-

- terprise Institute [Official website]. URL: http://www.aei.org/publications/filter.all/pubID.25966/pub_detail.asp (дата обращения: 03.02.2011).
8. *Choi I., Schott J.J.* Free Trade between Korea and the United States? Policy Analyses in International Economics № 62. Washington, D.C.: Peter G. Peterson Institute for International Economics, April 2001.
9. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 109th Congress, Second Session, 2006. Free Trade Agreement — Republic of Korea. Senate — February 2, 2006.
10. *Cooper W.H., Manyin M.E.* Congressional Research Service. The Proposed South Korea—U.S. Free Trade Agreement (KORUS FTA). CRS Report for Congress. Order Code RL33435. Updated July 18, 2007 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33435.pdf> (дата обращения: 25.02.2011).
11. *Cossa R.A.* The United States and the Asia-Pacific Region Security Strategy for the Obama Administration. Washington, D.C.: Center for a New American Security, 2009.
12. *Evenett S.J., Meier M.* An Interim Assessment of the US Trade Policy of «Competitive Liberalization» // The World Economy. 2008. № 1. P. 31—66.
13. Free Trade Agreement between the United States of America and the Republic of Korea [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative [Official website]. URL: <http://www.ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta/final-text> (дата обращения: 25.02.2011).
14. *Ihlwan M.* Bridging the Korean Economic Divide // Business Week. March 8, 2006.
15. *Jung Sung-ki.* South Korea—US Alliance Manifested in FTA // The Korea Times. June 7, 2007.
16. *Khalilzad Z.M., et al.* The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. Santa Monica, CA: RAND, 1999.
17. *Kim J.* South Korea, US Agree on Changes to Free Trade Deal // Reuters. June 29, 2007.
18. *Kim Yon-se.* Lee, Bush Connect FTA to Alliance // The Korea Times. April 20, 2008.
19. *Kirk D.* Time Running Out for Korean FTA // Asia Times Online. June 4, 2008.
20. Korea's Auto Market: The Benefits of the KORUS FTA for Autos. The Embassy of the Republic of Korea [Electronic resource] // Korea—U.S. Trade Partnership [Web portal]. System requirements: Adobe Reader. URL: <http://www.koreauspartnership.org/pdf/KoreasAutoMarket.pdf> (дата обращения: 02.03.2011).
21. *Lee Junyu, Lee Hong-shik.* Feasibility and Economic Effects of a Korea—U.S. FTA. Policy Analysis 05-05-02. Seoul: Korean Institute for International Economic Policy, December 2005.
22. *Low L.* Multilateralism, Regionalism, Bilateral and Crossregional Free Trade Arrangements: All Paved with Good Intentions for ASEAN? // Asian Economic Journal. 2003. Vol. 17. № 1. P. 65—86.
23. *Manyin M.E.* South Korea—U.S. Economic Relations: Cooperation, Friction, and Future Prospects. CRS Report for Congress. Order Code RL30566. Updated July 1, 2004 [Electronic resource] // Federation of American Scientists

- [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: <http://www.fas.org/man/crs/RL30566.pdf> (дата обращения: 02.03.2011).
24. *Maxton G.P., Wormald J.* Time for a Model Change: Re-Engineering the Global Automotive Industry. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2004.
25. Office of the United States Trade Representative. Fact Sheet on Auto-Related Provisions in the U.S.—Korea Free Trade Agreement. April 3, 2007 [Electronic resource] // American Chamber of Commerce in Korea [Official website]. URL: <http://www.amchamkorea.org/publications/information-detail.php?id=131> (дата обращения: 05.03.2011).
26. Office of the United States Trade Representative. Fact Sheet. FTA: United States and Republic of Korea Economic and Strategic Benefits. February 2006 [Electronic resource] // Organization of American States, Foreign Trade Information System [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/USA_KOR/Studies/TradeFacts_e.pdf (дата обращения: 27.02.2010).
27. Office of the United States Trade Representative. National Trade Estimates — Foreign Trade Barriers Report. Washington, D.C.: April 2006.
28. Office of the United States Trade Representative. Remarks by U.S. Trade Representative Susan C. Schwab U.S.—Korea Business Council Luncheon, June 14, 2007 [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: http://www.ustr.gov/sites/default/files/uploads/speeches/2007/asset_upload_file398_12909.pdf (дата обращения: 02.03.2011).
29. The Real Understanding of the KorUS FTA. Korean Alliance against the KorUS FTA. September 6, 2006 [Electronic resource] // Bilaterals.org [Web portal]. URL: <http://www.bilaterals.org/spip.php?article5767> (дата обращения: 25.02.2011).
30. Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall. Suntory Hall, Tokyo, Japan. November 14, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall> (дата обращения: 28.02.2011).
31. *Robertson J.* South Korea as a Middle Power: Capacity, Behavior, and Now Opportunity // International Journal of Korean Unification Studies. 2007. Vol. 16. № 1. P. 151—174.
32. Roh Says Opening of Beef Market Inevitable // Yonhap News, Seoul. March 20, 2007.
33. *Schneider H.* Obama, Lee Outlined U.S.—Korea Trade Deal in Seoul, official says // The Washington Post. December 6, 2010.
34. *Schott J.J.* More Free Trade Areas? Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1989.
35. U.S., Korea Beef Market Access Talks Fail Over Level of Access // Inside U.S. Trade. October 19, 2007.
36. The U.S.—Korea Free Trade Agreement: More American Jobs, Faster Economic Recovery through Exports. Fact Sheet: Overview of the U.S.—Korea Trade Agreement [Electronic resource] // The White House [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/fact_sheet_overview_us_korea_free_trade_agreement.pdf (дата обращения: 03.03.2010).

37. United States and the Republic of Korea Sign Landmark Free Trade Agreement, June 30, 2007 [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative [Official website]. URL: http://www.ustraderep.gov/Document_Library/Press_Releases/2007/June/United_States_the_Republic_of_Korea_Sign_Lmark_Free_Trade_Agreement.html (дата обращения: 27.02.2011).

38. United States International Trade Commission (ИТС), U.S.—Korea FTA: The Economic Impact of Establishing a Free Trade Agreement (FTA) between the United States and the Republic of Korea. Investigation № 332—425. Washington, D.C., 2001.

39. United States Senate Committee on Finance. Finance Committee Questions For The Record. Hearing on Confirmation of Mr. Ronald Kirk to be United States Trade Representative, March 9, 2009.

40. United States Trade Representative's Office. 2009 Trade Policy Agenda and 2008 Annual Report of the President of the United States on the Trade Agreements Program, February 2009.

41. USITC. Industry and Trade Summary: Motor Vehicles. USITC Publication № 3545. Washington, D.C., September 2002.

42. USITC. U.S.—Korea Free Trade Agreement: Potential Economy-wide and Selected Sectoral Effects. Publication № 3949. Washington, D.C., September 2007.

43. USTR Releases Preliminary Analysis of Korea—EU Free Trade Agreement. US Trade Representative. October 19, 2009 [Electronic resource] // Bilaterals.org [Web portal]. URL: <http://www.bilaterals.org/spip.php?article16125> (дата обращения: 27.02.2011).

44. USTR. Remarks by U.S. Trade Representative Rob Portman and Republic of Korea Trade Minister Hyun-chong Kim, Launch of U.S.—Korea Free Trade Agreement, February 2, 2006 [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative [Official website]. System requirements: Adobe Reader. URL: http://www.ustr/assets/Document_Library/Transcripts/2006/February/asset_upload_file804_8935.pdf (дата обращения: 06.03.2010).

45. USTR Says Beef Market Access Must Precede Signing of Korea FTA // Inside U.S. Trade. April 6, 2007.

46. The White House. Office of the Press Secretary. Background Readout by Senior Administration Officials to the Travel Pool on the President's Meeting with President Lee of the Republic Of Korea, April 2, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/background-readout-senior-administration-officals-travel-pool-presidents-meeting-wi> (дата обращения: 25.02.2010).

47. The White House. Office of the Press Secretary. Press Conference with President Obama and President Lee of the Republic of Korea, Blue House, November 11, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/11/11/president-conference-with-president-obama-and-president-lee-republic-kor> (дата обращения: 27.02.2011).

48. The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by the President at the Announcement of a U.S.—Korea Free Trade Agreement. December 4, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/12/04/remarks-president-announcement-a-us-korea-free-trade-agreement> (дата обращения: 25.02.2011).

49. The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by the President to the Chamber of Commerce. U.S. Chamber of Commerce Headquarters. Washington, D.C., February 7, 2011 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/07/remarks-president-chamber-commerce> (дата обращения: 03.03.2011).

50. The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by President Obama and President Lee Myung-Bak of the Republic of Korea after Bilateral Meeting Toronto, Canada, June 26, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/07/remarks-president-obama-and-president-lee-myung-bak-republic-korea-after-bilateral> (дата обращения 25.02.2011).

51. The White House Press Release. Remarks by President Barack Obama and President Lee Myung-Bak of Republic of Korea in Joint Press Conference. Blue House, Seoul, South Korea, November 19, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-and-president-lee-myung-bak-republic-korea-joint-press-conference> (дата обращения: 27.02.2011).

52. World Trade Organization Dispute Settlement Statistics [Electronic resource] // World Trade Organization [Official website]. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm (дата обращения: 03.02.2011).

53. World Trade Organization. Statistics Database, Country Profile for Republic of Korea [Electronic resource] // World Trade Organization [Official website]. URL: http://stat.wto.org/CountryProfiles/KR_e.htm (дата обращения: 25.02.2011).